

Аркадий Данский

Мелкие дневниковые записи о девятом классе «А» 1940-41 год; тетрадь №1

За последнее время я много размышлял о жизни школы, о взаимоотношениях учителя с учащимися. Мои размышления навевались каким-то внутренним чувством, ещё не разгаданным мною, но это чувство становилось всё требовательнее, ведя к разгадке многих явлений школьной жизни. Я несколько раз брался за оформление моих наблюдений, но эти оформления были отрывочны и неполны. А жизнь школы, как единого коллектива в 800 учащихся, действительно разнообразна и красочна. Но из всей жизни нужно выбрать самое характерное во всём её разнообразии. А поэтому, мне кажется, необходимо проследить жизнь небольшой части этого коллектива. Если учащиеся живут вместе, между собой общаются, следовательно, и несут самое характерное. Пусть частные случаи будут другие, но это, мне кажется, и не важно.

«Для чего это нужно», – быть может, пожелает кто-нибудь спросить. Для того, чтобы понять жизнь, разгадать её, нужно отобрать главное от второстепенного, яркое от бледного, взвесить нужное, прежде, чем делать вывод. Наши выводы часто бывают не продуманы, а поэтому и ошибочны. Я ещё не хочу здесь делать выводы, хотя без них и немислимо, я хочу разглядеть жизнь более пристальным взглядом и преломить эту жизнь в моём сознании. Я уверен, что мои записи лет через десять, будут нужны самому же мне. Пожалуй, я ошибся: они будут нужны мне раньше. И с сегодняшнего дня я решил вести мелкие, быть может, неполные записи о жизни одного класса, а именно 9 «а».

1 сентября.

Встал необычно рано, не спалось. Пожалуй, это случилось не с одним мною, а с большей частью учителей. Ведь сегодня первый день занятий! А это учителю, кровно связанному со школой, любящему свою родную школу, не всё равно. Он к этому дню давно уже готовился в часы летнего отпуска: сначала план первого дня и дальнейшей работы слагался в голове, потом он отшлифовывался до мельчайших деталей прежде чем вылиться на бумагу. Так произошло и со мной в это утро, пасмурное с крапинами дождя. Я встал, выглянул на улицу. День что-то не привлекал, я не такого ждал дня. Но радость, знакомая мне, теснилась глубоко в груди. Сегодня придут мои младшие товарищи, мои ученики. За лето они возмужали, окрепли. Не скрою:

мне уже представлялись загорелые лица моих воспитанников. Я такими хотел встретить их. А изменился ли я за лето? Одевая галстук, смотрю в зеркало: как будто всё в порядке: в глазах не вижу потухшего взора – значит нет усталости, на лице летний загар, мне говорят: немного пополнел, но я не замечаю. Но вообще за лето и я отдохнул, а это для учащихся, для школы много значит. Ну ладно, надо спешить. На столе разложены тетради с первыми записями уроков. Развернул первую тетрадь с конспектами для 8 класса. Мне кажется, продумал материал неплохо и оформил работу чисто и со вкусом. Как это я умудрился: рука обычно дрожит, ставит вместо букв не такие какие я бы хотел, а тут просто написалось хорошо, приятно глядеть. А взгляну в свой класс 9 «а», в порядке ли там? Иначе – не могло и быть – я знал, но заглянуть лишний раз тянуло какое-то чувство любви к сегодняшнему дню. Развернул тетрадь. Написано: первый урок «Вступительная беседа о задачах класса в новом учебном году». А дальше мне всё знакомо – словно я выучил наизусть. Это сказывается отдых, память значит свежая без пыли, мусора и усталости. Значит я готов. Кроме того, я припоминаю, что мне поручено сделать доклад перед коллективом школы «О 23 годовщине МЮД» (Международный Юношеский День – *примечание*). К докладу готов. А маленькое волнение – это не беда, это у всех бывает, разве у тех этого не бывает, кто идёт сказать речь очертя голову, заранее зная, что оно пройдёт неудачно. Вот и всё. Радиоволны несут московский марш – это, кстати, заставляет немного спешить. Восемь часов: я готов. Сегодня надо не опоздать, опаздывать никогда не следует, я ещё работаю немного – семь лет, но был аккуратен. Об этом нужно помнить особенно теперь в связи с постановлением правительства об уничтожении прогулов и опозданий.

И вот я на улице. По тротуару идут юноши, девушки в разноцветных беретах, идут пионеры и пионерки в галстуках, спешат октябрёнки-малыши, эти видно сразу, что идут в школу впервые. Их всегда можно различить. У них весёлые, радостные и слегка взволнованные лица. Новые, самые новые сумочки в руках, в новых платьях и рубашках. Идут всегда небольшими кучками и никогда в одиночку и всегда разговаривают, мечтая, где и у кого будут учиться. Счастливые мамы, с радостью отпускают детей впервые в школу, приколоты банты алые, голубые и ярко-красные звёздочки на грудь малышей. Их по-особому это красит и выделяет из идущих ребят. Не успел я выйти, а мои друзья уже вот, в пяти шагах от меня, здороваются, поздравляя с началом года. О! Да как они отдохнули: Тоня пополнела и загорела, а Капа как будто выросла. За поворотом я вижу школу. К ней, как ручейки в раннюю весну, текут группами, в одиночку ученики. В этот год я стал уже патриотом своей школы. Я знаю и силу, и слабости её. В прошлом году я впервые

переступил порог её. Кого я знал? Половину учителей, да единицы учеников, когда-то учившихся у меня в младших классах. Что я мог сказать о школе, о учениках. Ничего. Я шёл не зная, что ожидало меня. Но прошёл год упорной работы. Я узнал и полюбил школу, полюбил коллектив. Я с гордостью возвращался после отдыха в родную, ожившую после летнего затишья, школу. В коридорах густо учащихся. Все весёлые, возбуждённые. Большинство знакомы мне. Часть учащихся приехала из других школ. Захожу в учительскую. Ещё никого нет, кроме завуча Аркадия Алексеевича. Как вижу, он первый зашёл в школу в этом новом учебном году. Я значит вторым. Через десять минут учителя были почти в сборе, за исключением некоторых. Коллектив учителей почти изменился полностью, большинство из них молодёжь.

Ровно в 9 часов утра все идём на общешкольный митинг. Как обычно выбираем президиум. Первое слово приветствия предоставляют секретарю РК партии т. Цувареву (Цуварев Виктор Васильевич – первый секретарь райкома партии с декабря 1939 года по сентябрь 1941 г. – *Примеч. редактора*). Тов. Цуварев, приветствия учащихся и учителей с началом нового учебного года, выдвигает задачи перед школой, сформулированные партией и правительством в последних решениях. Заключительные слова т. Цуварева встречены бурными аплодисментами. Зал переполнен, а учащиеся прибывали и прибывали. Доклад о 23 годовщине МЮД сделал я. Как будто вышло неплохо, слушали со вниманием. После торжественного митинга учащиеся разошлись по классам.

Мой 9 «А» (моим называю потому, что я являюсь классным руководителем) расположен в нижнем этаже в углу, окнами запад и юг. Светлый, тёплый и просторный. Там вчера ещё было поставлено 14 парт, развешены на стенах портреты вождей. Захожу. Все парты заняты. При входе учителя все учащиеся разом встают и весело здороваются. Все знакомые, за исключением некоторых учащихся, возвратились в класс после летнего отдыха. «Есть новички, новенькие есть», – спешат сообщить и порадовать меня. «Это хорошо», – отвечаю я. «Новичков», как называли учащиеся, было 3-е: Шичева Зинаида, взрослая и вдумчивая девушка сидела на второй парте у окна. Поламодова Ия – среднего роста, с улыбкой на лице оглядывала класс, как бы желая сказать: «А здесь и в правду будет неплохо». Третьей, Баевой Лидии, не было, она ещё не успела приехать. Но я её знал по Шолгской школе, как отличницу. Всего учеников было 28.

Все сразу наострили уши, желая услышать, что я скажу. Часовая беседа была разнообразна, но не утомительна. Я познакомил с внутренними правилами школы, с учебным планом 9 класса, с продажей и покупкой

учебников, с наличием письменных принадлежностей и т. п. После беседы вопросов было мало – в основном я охватил всё. Я заметил, что учащиеся моего класса повзрослели, загорели, поправились за лето. Четыре урока прошли быстро. На всех уроках было знакомство с программой по тому или иному предмету и введение в предмет или в раздел. В своей беседе я сделал намёк, что через неделю будем выбирать классного организатора и редактора. «Мы оставим Грибанова», – заявила Нина Помелова. Часть поддержала, а некоторые: «Другого лучше, новенького надо». Я и сам думал, что нужно другого, а не Грибанова. Грибанов ученик хороший, но очень мягок, расплывчат и малоинициативен. Кто бы подошёл в классные организаторы? Но так и не придумал.

2- го сентября

*/ с 2 по 7 ноября написать
по воспоминаниям. Сделать вставку/.*

10 ноября

Праздники прошли. Начался первый рабочий день во II четверти. На стене висит ведомость учёта успеваемости. Ещё нет ни одной оценки за II четверть. А уже каждый учащийся взял на себя конкретное обязательство. Шичева и Баёва взяли учиться только на «отлично», Поламодова, Грибанов и др. только на «хорошо». Учащиеся, получившие «плохие» оценки за I четверть взяли обязательства не иметь плохих оценок. Настроение у всех бодрое. Только заходишь в класс, учащиеся заводят разговор про успеваемость: «Мы в эту четверть обязательно добьёмся 100 % успеваемости. Нужно теперь же начать соревнование между колонками. Правильно!» – слышатся голоса. Значит, у ребят задор есть, только нужно его поддержать. Первый день прошёл без плохих оценок. Радостные учащиеся хорошим началом расходились по домам.

12 ноября.

Было классное собрание. Классный руководитель рассказал об итогах работы класса за I четверть и о дальнейших задачах. После доклада классного руководителя были заданы вопросы. Вопросов было мало. Боброва Кл. задала вопрос: «Почему за I четверть у меня снижена дисциплина?». Ей было объяснено, что дисциплина снижена за плохое отношение к труду. После вопросов несколько учащихся выступало. Шичева рассказывала об итогах

социалистического соревнования за I четверть. Из всего класса только 3-е выполнили социалистические договора: Шичева, Грибанов и Филёв. Шичева указала факты плохого отношения к труду (Вязьминова и Боброва) и призвала учащихся учиться только на хорошо и отлично. Шичева рассказала о подготовке к урокам. Она уроки готовит так: сначала готовит письменные задания и наиболее трудные. После письменных заданий приступает к устным по тем предметам, которые являются наиболее трудными. Читаю материал иногда несколько раз. Часто рассказываю про себя. Многие воскликнули: «Вон как она ещё!» Грибанов несколько раз порывался выступить, но долго не мог набраться «духу», как он сказал позднее. Наконец, мы вызвали его на разговор. «Конечно, у нас нет таких условий, как у Шичевой, – начал Грибанов, – мы готовим уроки по-разному: один решает задачи, другой читает, третий рассказывает анекдоты, четвёртый поёт». Ребята засмеялись. «Что смеётесь, так и есть, у нас ведь в общежитии не один, не два». «А разве нельзя установить порядок?» – кто-то спросил. «Можно, да и ведь пошалить надо», – говорил Грибанов. «А кто же больше всего нарушает порядок», – спросили мы. «Нет уж я не скажу», – отвечал Грибанов. Так и не сказал. Спросили Вязьминову Раису, почему она получила плохие оценки по 4 предметам. Вязьминова ответила, что у неё далеко ходить, да и памяти ничего нет. Иногда читаю, читаю, спросят – всё позабыла. Однажды по литературе весь материал рассказала до уроков своим подругам (это подтвердили Помелова и другие), а когда спросил учитель, то ни одного слова не могла сказать. Всё позабыла. Наизусть учить не надо – убеждали её. Нет, я так не умею, всё равно не расскажу, уж лучше наизусть. Тут только вспомни предложение и пойдёт, и пойдёт. Ребята смеются, да и сама Вязьминова улыбается. Боброва начала так: «Меня всё по истории учитель путает, не даёт и слова сказать. Только думаешь говорить, а он: это почему, почему не иначе. Неловко у него отвечать. Вон Коковину спрашивал раз десять». «Вот и хорошо», – сказал я. «Да, хорошо, – отвечала Коковина, – каждый день всё спрашивает». Пришлось дать небольшое разъяснение на выступления товарищей.

Тетерин в конце собрания сказал, что всё равно будут плохие оценки, их не миновать, но вскоре опомнился своему несуразному выступлению и в замешательстве замолчал. В конце собрания принимали договор 9 б класса. Договор по социалистическому соревнованию приняли, но некоторые выразили недовольство. Иньков: «Они только хвастают и в прошлом году говорили, что мы да мы, а всё ниже нас стояли». Неправильные взгляды опять таки пришлось разъяснить. Решили совместно с 9 б классом поставить пьесу и организовать вечер самодеятельности.

16 ноября

Проходили учебные дни. Соревнование между колоннами проходило оживлённо. Каждый выступал, как патриот от своей колонны. Оценок «плохих» за эту неделю значительно уменьшилось. Их было 7, а в 9 б – 9. Но в 9 б классе было больше отличных и хороших оценок. Решили первенство отдать 9 б.

19 ноября

Было общее собрание 10 и 9 классов об успеваемости и трудовой дисциплине. На собрании не был Тетерин. Нужно с ним говорить. Учитель немецкого языка Барык пришёл с 4 урока и обратился ко мне: «Мой и ваш классы опять подкачали. Ничего не учат!». Я посмотрел в журнал, действительно из 5 опрошенных – 4 плохие оценки получили. По-моему здесь дело целиком в преподавателе. Ученики сами говорят (и не плохие ученики), что он из них хочет сделать «настоящих немцев». Прочитай, расскажи, но не так произнёс, так всё пропало: ставит плохо, так говорит говорить нельзя.

20 ноября

Прихожу в 8 час. 30 минут. Иду в класс, должна быть политинформация. Кто должен делать? Отвечают, что Маринин, а его и близко нет. Разговариваю с Тетериным. Он смеется (он почти всегда смеётся во время разговора) и отвечает, что идти некогда, он читал книгу. На собрание можно и не ходить. К моим замечаниям он отнёсся несерьёзно и не обещал прийти на собрание со следующим классом. Я решил его сводить к директору. Все поступки он объясняет как малолет. Просто странно кажется. Свои ошибки и признаёт, и не признаёт. Мы решили его вызвать на следующее педагогическое совещание. Несколько слов об уроке естествознания (основы дарвинизма). Учительница пришла в сопровождении завуча. У неё манера вообще посмеяться, ходит и усмехается, чему и неизвестно. Начала спрашивать. Спросила Злобину об изменчивости. Злобина не могла ответить самого элементарного. Учительница Валентина Михайловна всё время давала наводящие вопросы и часто сама рассказывала за неё. По этому же вопросу спросила Баёву. Баёва рассказала. После опроса начала рассказывать новый материал о значении дарвинизма и биографии Тимирязева и Мичурина. В процессе рассказа материал давала очень бегло, рассказывала невнимательно. Так вместо Тимирязева говорила Ворошилова. Мало затронула вопросов о мичуринском саде.

27 ноября

Учащиеся терпеливо борются за высокую успеваемость. Плохие оценки стали появляться реже и реже. Тетерин и Филёв получили по истории за материал, который не проходили. Вышла ошибка учителя.

Из дневника ученика

25 января 1941 г.

Военное дело

Заходит в класс учитель, ученики, как по команде, встают. Никто не отдаёт рапорт. Учитель обращается классу, чтобы узнать дежурного. Класс хором отвечает: «Тетерин!». «Товарищ Тетерин, Тетерин не знаешь своих обязанностей!» – слегка журит учитель. Тетерин нехотя встаёт и с улыбкой в лице отвечает: «Я не знал, мне сейчас сказали, я тут не причём». Ученики улыбаются. Учитель, отмечая в журнале, спрашивает: «Сегодня свободных нет? – Есть, третий урок история!» «Нет, я не об уроках, а об освобождённых учениках». Проходим новый материал «Победы Красной Армии в начале гражданской войны и интервенции». Учитель читает по книге и тетради. Ученики все заняты своими делами. Звонок. Мы облегчённо вздохнули.

Тригонометрия. Сегодня контрольная письменная работа. Учитель пишет на доске условия семи примеров. Слышится нервический шёпоток ученицы Бобровой: «Грибанов, решишь, так напиши мне!» На убедительную просьбу слышится более громкий ответ: «Ну ещё, я и сам ничего не знаю!» Голос Грибанова заставил обернуться учителя. В классе по-прежнему тихо. Решаем пятый пример. Никак не выходит. Боброва, сделав руки трубочкой и приставив ко рту, снова шепчет: «Манька, любая, спиши у Симка как-нибудь пятый пример». Одновременно слышится второй голос о спасении: «Оля, пятый пример как?» «Тише! – замечает учитель, – Ещё одно замечание сделаю и отберу тетрадь!» На минутку шёпотки умолкают и снова слышатся вопли погибающих, прося убедительно Маньку, Кольку списать какой-нибудь пример. Шёпотки обрывает звонок.

Физика. Начинается урок. Ушаков, подняв воротник своего пиджака, читает книгу, положенную в парту. «Ушаков, ответь на вопрос «Чему равна равнодействующая двух под углом действующих сил?» – Ушаков неохотно встаёт и ...молчит, – Садись!» – говорит учитель. Ушаков садится и продолжает невозмутимо читать книгу.

Литература. «Ну, как живёте?» В классе голоса: «Плохо! Холодно! «Плохими» засыпались». «На всё равно заморозят!» – слышится чей-то

скорбный голос. В классе действительно холодно. Учитель, сочувственно потирая руки, говорит: «В классе ещё не так холодно, вот на улице действительно – тридцать градусов». Учитель сообщает, что завтра будет письменная по литературе. Все наострили уши, даже Маринин и тот, оставив свои пальцы (он всё играет пальцами: то их рассматривает, то скоблит, то делает массаж), примолк. «А какая тема? – слышится голоса. «Вы уж нам по знакомству скажите», – говорит Шичева. «По знакомству не скажу». Некоторые шепчут: «Наверное, «Базаров», «Реалисты». Продолжаем читать «Что делать» Чернышевского.

28 января

Литература. Письменная по литературе. Даны 3 темы на выбор. У Тетерина болит палец, но пишет. Хотел от работы уклониться, но ничего не вышло. К удивлению всех, он написал на «хорошо».

Естествознание. В конце урока учитель даёт задание: прочитать в «Учительской газете» (номера... от 1940 г.) ряд статей. Слышится голос Тетерина: «А мы ведь не учителя, где возьмёшь газеты?» (В классе взрыв смеха). Тетерин получает удовлетворительный ответ. Раздаётся звонок. У всех учеников полное недоумение: третий учитель (Шелковников, Вальнова, Клепикова) и каждый говорит по-разному. Вот так наука. В голове какая-то путаница. Как её разобрать?

Химия. В классе холодно. Коченеет. Учитель говорит, что в классе «обыкновенная, нормальная» температура, ещё можно проветрить. Слышится смех. Вот так нормальная! Проходим новый материал. При повторении спрашивают Бессолова. Дали два вопроса. Молчит. Получает «плохо». Вызывают Меньшенина. Дали два вопроса. Меньшенин встаёт и говорит: «Мне ничего не ответить» и садится.

1 февраля

Физкультура. Занимаемся в зале. В зале не теплее улицы. Упражнения на турнике и кольцах. Коченеют руки. Шичева «командует». Все внутренне злятся. Обмениваются не совсем любезными словами.

3 февраля.

Физика. Занятия проходят с 9 б классом. Сидим по 3, по 4 человека на парте. Учитель в коридоре пролил ртуть. Сердится на дежурных, (а дежурных оказалось двое, каждый пронадеялся друг на друга). Юрьев ушёл в коридор

собирать ртуть. Проходим новый материал. Все почти думают об истории и немного дрожим (теперь уже не от холода) – будут спрашивать.

История. Спросили 5 человек. Настроение хорошее. Проходим новый материал.

Математика. Классы соединили, да и холодно. Ученики в надежде, что занятий не будет, готовят уроки слабо. Отвечают плохо. Учитель сердит. К концу урока повеселели – не всё же горевать!